

Наследство Потсдама: Кёнигсберг - Калининград

29.07.2020

Чем старше становлюсь, тем всё чаще вспоминаю детство и места, с ним связанные. Это абсолютно объяснимо. Понимаешь, что время упущено: пока родители были живы, многое можно было расспросить и узнать. Но, возможно, кому-то и мои воспоминания будут интересны.

В этом году Петербургский диалог должен был пройти в Калининграде. И я заранее предвкушала радость встречи с городом, которого совсем не знаю, но ощущаю некую странную связь с ним. Однако вмешалась пандемия, и, похоже, нашим планам не суждено сбыться.

В Калининград меня привезли родители в 1948 году. Отец вернулся с войны. Два года после Победы он ещё был с нашими войсками в Вене. У мамы до моего рождения – 900 дней блокады Ленинграда. И вот новое назначение отца. Это был ещё не Калининград. Это был лежащий в руинах Кёнигсберг.

Я была ещё очень маленькой, но вот груды красного кирпича на улицах и остовы готических зданий запомнились навсегда.

Люди старшего поколения наверняка видели фильм «Щит и меч». Так вот, когда Иоганн Вайс едет встречать на вокзал Генриха Шварцкопфа, зрители видели в кадре именно эти руины. А кадры в рейхсканцелярии, разрушенной во время бомбёжек, снимали в уцелевшем здании имперского министерства авиации.

Если я закрываю глаза, то в тех детских воспоминаниях меня, буквально, преследуют эти груды красного кирпича. Британские бомбардировщики камня на камне не оставили от этой германской цитадели. Особенно досталось центру города, где совсем не было военных объектов. Сгорел старый город, сильно пострадал замок. Но главное – погибло много мирных жителей.

Такова была военная тактика наших союзников. Они бомбили города с воздуха, не щадили ни здания, ни жителей. Зато их солдаты не гибли. И никто их сегодня не осуждает. Если иногда, то всё равно очень редко.

А вспомните о трагедии Дрездена. И подумайте о двойных стандартах. Они, по отношению к истории, на каждом шагу.

Я неоднократно задавала папе вопрос: «как при освобождении Риги удалось сохранить старый город и статую Мильды (памятник Свободы), у которой сегодня так любят собираться ветераны СС. Папа рассказал, что был приказ – памятники истории и культуры сохранить».

Вот ведь как – советский солдат – «варвар» – заботился о памятниках истории народа, а просвещённый Запад – не очень.

Возможно, кто-то помнит ещё один фильм. Это «Встреча на Эльбе». Так вот, когда надо было показать руины Альтенштадта, съёмки проводились в Кёнигсберге. А когда действие переносилось в старинные районы, не тронутые разрушением, съёмки проходили в Риге. Той самой Риге, красоту которой сохранили советские солдаты.

А тогда мне и моей семье предстояло заместить немецкое население Кёнигсберга, которое было депортировано в результате передачи города Советскому Союзу 17 октября 1945 года по решению Потсдамской конференции.

Я была совсем маленькой, когда мы с мамой въехали в типично немецкий дом со скошенной крышей, на стенах которого готическим шрифтом было написано: «Мы ещё вернёмся». Такие надписи были на многих домах.

Понятно, тогда я читать и по-русски не умела. Но когда пошла в школу, узнала, что было написано на стене и почему. Стены позднее покрасили. Надписи исчезли.

Около дома был очень красивый сад. Мой отец любил копаться в земле. И вот, под пионовым кустом он нашёл зарытый ящик с посудой. Что там было, уже не помню. Но в нашей семье долго хранились хрустальная пепельница и чайная ложечка, где на эмали был вид Кёнигсбергского замка.

Не знаю, как чувствовали себя в этом городе мои родители, но я, только, когда стала взрослой поняла – мы были новыми безкорневыми жителями этого древнего города. Он не был ни для кого из нас родным. Нам предстояло здесь пустить корни и дать городу новую жизнь.

А моё самое яркое воспоминание того времени – это собака. Папа очень любил собак. В наследство ему достался молодой пёс, немецкая овчарка, который родился и рос на аэродроме. Отец забрал его и назвал Барсом.

Пёс быстро понял, кто в доме хозяин. Это ведь была немецкая овчарка. И погиб этот пёс трагически, у ног своего хозяина. Папа ночью поехал на военные учения. Тогда тяжёлые радиолокационные машины (кунги) шли без огней. Каким-то образом Барс сорвался с цепи и побежал за хозяином. Мгновение, и он оказался под задними колёсами тяжёлой машины. Колонна остановилась. Отец подбежал к собаке. Пёс из последних сил поднял голову, лизнул хозяину руку и умер. Теперь я понимаю суть выражения «собачья преданность».

Один раз из Ленинграда к нам приехала погостить и помочь родителям моя бабушка. У неё была заветная мечта – на старом еврейском кладбище в Кёнигсберге были похоронены её родители. Она много лет мечтала навестить их могилы. Но и в этот раз не смогла. Папа категорически запретил. Кладбище было заминировано. Некогда большая еврейская община города была буквально почти вся ликвидирована с приходом нацистов к власти.

А мы росли, как все дети, бегали, куда нельзя, и ничего не понимали в великой истории. Пару раз мне здорово попало от отца за эти опасные прогулки. А ещё всё время очень хотелось есть. Я дома «подворывала» из миски у Барса. Не знаю, чем его мама кормила, но не рычал и честно делился со мной.

А в 1951 году я пошла в первый класс 21-й школы, теперь уже города Калининграда. Интересно, что имя своей первой учительницы помню до сих пор: Нина Николаевна Жордания.

Ничего не знаю о её судьбе. В четвёртый класс пошла уже в Ленинграде. Имена многих забыла, а вот её – помню. Может потому, что именно от первой учительницы мы узнали историю города, в котором нам случилось жить. Оказывается, это был очень важный центр Восточной Пруссии. В конце 19 века по нему уже ходила не конка, а трамваи. А в начале 20-го века был открыт первый в Германии аэропорт Девау.

Взрослые часто говорили о каком-то великом Канте. Понятно, позже я узнала, что речь шла о великом немецком философе Иммануиле Канте, который похоронен в северо-восточной части Кафедрального собора.

Меня больше интересовал Теодор Амадей Гофман, для которого этот город тоже был родным. Дело в том, что у бабушки каким-то образом сохранился один старинный томик его сказок. Они были страшные и совсем не детские. Даже путешествие Щелкунчика ничего общего не имело с прекрасным балетом, на который меня водили во время поездки в Ленинград.

И все рассказы учительницы были о какой-то старой истории. Ничего общего с новой историей они не имели. Нина Николаевна часто повторяла, что ничего нет страшнее войны, и очень сердилась, что мы в неё играем. А во что было ещё играть? Мировая война, конечно, закончилась, но в этом городе она была частью нашей жизни.

Конечно, теперь это уже совсем другой город. Я с трудом его узнала ещё в 1989 году, когда была в командировке в газете «Калининградская правда». Изменились не только улицы, но и жители. Они стали коренными.

Когда в 2008 году я брала интервью у Олега Газманова, он всё норовил назвать меня землячкой. Но я поправляла. Это певец родился в калининградской области. А я родилась в Ленинграде. В Калининграде провела только раннее детство. Вот Олег Газманов – типичный представителей первых коренных жителей.

А мы?.. Мы были временными поселенцами. Особенно, дети военных. Хотя некоторые и остались в этом городе. У них родились дети, внуки... Пришла новая мирная жизнь. Казалось бы, что вспоминать?

А вы почитайте внимательно европейскую прессу. В последнее время, нет-нет, да появляются публикации, где ставится под сомнение сама целесообразность передачи Кёнигсберга Советскому Союзу. Мол, не надо было делать такой подарок в Потсдаме.

Современная Польша не может спать спокойно, когда у её границ – опасность в виде российских ракет. А жители Калининграда могут спать спокойно, когда их окружают войска НАТО? Да и жители только ли Калининграда? Вопрос риторический.

Любителям переписывать историю могу предложить перечитать документы Потсдамской конференции и узнать, от каких заманчивых территориальных предложений союзников отказался Сталин.

И последнее. Возможно, мне тоже не очень нравится, что этот заново родившийся город носит имя

Всесоюзного старосты. Вопрос очень сложный. Легко было городу Калинин вернуть историческое название – Тверь. Но неужели кто-то всерьёз хочет вернуть имя - Кёнигсберг?!

Я знаю, что такие настроения кое у кого в городе есть. Но, послушайте, спросите у соседей поляков, хотели бы они вернуть немецкие названия городам и областям, которые достались им по решению той же Потсдамской конференции? Точно знаю, что их ответ будет: «никогда!».

Фото: ТАСС/Виталий Невар

Сегодняшний Калининград – это совсем другой город. Молодой. Современный и очень красивый.

Я много и тесно общаюсь с ребятами из молодёжного парламента Бонн – Калининград. Они такие харизматичные, продвинутые. Многие из них будут влиять на политику двух стран. Кёнигсберг для них уже история. Они смотрят в будущее. Им категорически не нужна война. Они верят в хорошие отношения между Россией и Германией.

Мне кажется, что можно было бы объявить народный конкурс на новое имя для этого прекрасного города. На мой взгляд, оно должно быть какое-то светлое, с оттенком янтаря и запахом Балтики. Думаете, это крамольная мысль? Мне так не кажется... Но решать, конечно, жителям.

А в современный, красивый город я очень мечтала поехать в этом году. Хотелось познакомиться поближе. А руины Кёнигсберга пусть останутся только в моих воспоминаниях... Не стоит туда возвращаться.

На память пришли стихи Геннадия Шпаликова:

По несчастью,

Или счастьем,

Истина проста:

Никогда не возвращайся

В прежние места:

Даже если пепелище

Выглядит вполне,

Не найти того, что ищем,

Ни тебе, ни мне.

...

Путешествия в обратно

Я бы запретил...

А не то рвану по следу –

Кто меня вернёт? –

И на валенках уеду

В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,

Там, где-боже мой! –

Будет мама молодая

И отец живой.

Вера Татарникова

В материале использованы изображения из архива автора, а также ТАСС/Виталий Невар, waralbum.ru, wikiwand.com

Сайт Общегерманского координационного совета российских соотечественников «Русское поле»

Адрес страницы: <http://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/9069976.html>

[ГКУ города Москвы «Центр гуманитарного и делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом - Московский дом соотечественника»](#)